

Анатолий Агарков

*Ночь, кладбище,
кошмары*

Электронная версия

Ночь, кладбище, кошмары.

*Человек всегда был и будет самым
любопытнейшим явлением для человека...
(В. Белинский)*

Эту историю в разное время рассказали мне незнакомые между собой люди.

Поставив точку в конце Ханифкиного повествования, я перечитал и обеспокоился - не всё в ней вяжется и стыкуется. Упущен самый драматичный момент – визит на кладбище храброго прапорщика и пальба из пистолета. Хотел было отложить написанное до лучших времён, но пришла мысль - быть может, после публикации ещё кто-нибудь из участников событий откликнется, объявится и расскажет свою версию той кошмарной ночи, иль дополнит уже известное. Итак....

Рассказ Антона Семченко.

Этого парня я знал давно, но никогда не имел желания сойтись с ним поближе. Раздражали его панибратские замашки, плоский юмор, неуёмное желание выпендриться. Он плохо учился в школе, не служил в армии и, окончив где-то какие-то краткосрочные курсы, работал кем-то на комбинате хлебопродуктов «Злак». Поэтому я относился к нему с настороженным недоверием, когда судьбе стало так угодно, чтобы именно мне первым пришлось искать его общества. Недостаток умственного развития мешал ему постигнуть мою брезгливую отчуждённость. Он принимал меня за интеллигентного хлюпика и с удовольствием брал под своё покровительство. Естественно, я тяготился такими отношениями и мечтал о том дне, когда услуги этого парня мне будут не нужны. Уж тогда я непременно и с великим удовольствием покажу ему, чему обучался в профессиональной школе боевых единоборств. Я мысленно видел его распостёртым на земле и слышал свой саркастический голос:

- Мне очень жаль, старик, что у тебя по этому поводу могли существовать какие-то иллюзии.

Насколько сам он был хамоватым парнем, настолько же услуги его для меня носили деликатный характер. Дело в том, что Виктор – его звали Гордеевым Виктором – имел подружку, девицу очень покрашенную, шумливую, нравственность которой вызывала большие сомнения. А эта девица – Люда Карасёва – как соседка и бывшая одноклассница, могла запросто, в любое время войти в заветную для меня дверь. Эта дверь скрывала моё счастье....

Девушку звали Люсей. Аккуратная фигурка, прямые волосы до плеч, чистое личико, ясные глаза, губки бантиком, ямочки на щёчках – она была неизменно свежа и приятна, как свеж и вкусен бывает деревенский воздух в начале лета.

В городе девушки другие. В городе их красота от нарядов и косметики. В городе короткая юбка на красивых ножках шокирует сердце, не ласкает.

Мне показалось, вокруг стало тихо, и солнце вздрогнуло за окном, когда, улыбнувшись, она спросила:

- Ваша фамилия, больной?

Люся училась в медицинском институте, а летом подрабатывала в регистратуре районной больницы. Я ничем не болел, был тоже на каникулах и тоже гостил в родном доме.

- А ваша?

Так мы разговорились. Я пригласил её в кинотеатр.

- На какой сеанс? – поинтересовалась она.

- Будет ещё светло.

- У меня папа очень строгий - бывший военный. Так что живу по режиму – в десять отбой, – сказала она с милой улыбкой и совсем без горечи, а скорее с гордостью за своего сурового родителя. – Дружить с ребятами не разрешает. Говорит, сначала диплом.

Увидев мою растерянность, тут же добавила лукаво:

- У меня есть подружка...

Познакомившись с подружкой, я сошёлся и с Виктором Гордеевым. Мой путь на свидания с любимой девушкой теперь начинался от его дома.

По дороге к Людке Карасёвой он рассказывал о своих любовных похождениях, отличавшимся чрезвычайным многообразием. Несмотря на свой скудный словарный запас, в разговорах о сексе и женщинах он вдохновлялся настолько, что в его рассказах появлялись поэтические нотки о лунном свете и звёздном небе над головой. Звучало это довольно романтично, если б не сопутствовало пошлости.

Последний луч невидимого уже за горизонтом солнца царапнул низкие облака и скрылся. Его исчезновение следовало отнести, примерно, к двадцати трём часам местного времени. Начало темнеть, кое-где на столбах зажглись редкие фонари. Высоко над посёлком беззвучно пролетел самолёт. Красный сигнальный свет его был похож на раскалённую и бесконечно далёкую планету, совершающую свой космический полёт в чьём-то фантастическом сне.

Мы шли знакомыми проулками, и Виктор рассказывал, как отец-пропойца учит его жить и копить деньги на жизнь. Остановились у дома с высоким крашеным крыльцом под навесом.

- Подожди меня здесь, - сказал Виктор и исчез за дверью.

Я поднялся на крыльцо и присел на перила. Лето уже вступило в ту критическую пору, когда комары не бросаются стаями остервенело на кого попало, а спокойно, присмотревшись, садятся и, не торопясь, принимаются за своё пиршество. Хочешь бей их, хочешь, гони, а хочешь – терпи и наблюдай, как они надуваются кровью и, бывает, лопаются от своей жадности. Я шлёпнул одного на щеке, и звук гулко разлетелся по пустынной улице – на закате слышится далеко.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php